

З А Р У Б Е Ж Н Ы Й Д Е Т Е К Т И В

СЕБАСТЬЯН ФИТЦЕК

МИМИКА

Она легко распознает убийц...
Пока не посмотрится
в зеркало!

**НОВЫЙ
БЕСТСЕЛЛЕР
СЕБАСТЬЯНА
ФИТЦЕКА!**

Себастьян Фитцек
Мимика
Серия «Зарубежный
детектив (Гермес Букс)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74484486

Мимика: роман / Фитцек С., Пер. с нем. Е.А. Мордашева: Гермес Букс;

Москва; 2026

ISBN 978-5-9524-6738-5

Аннотация

Ханна Хербст – самый опытный в Германии эксперт по мимическому резонансу. Достаточно легкого подергивания уголков губ, малейшего жеста, чтобы она прочитала истинное «я» человека. Работая консультантом полиции, Ханна уже помогла изобличить многих преступников. И вот однажды ей приходится распутывать зверское убийство ее собственной семьи. Проблема в том, что из-за потери памяти после операции Ханна не может восстановить события той страшной ночи, а похитивший ее опасный преступник предъявляет видео, на котором она сама признается в убийстве своей семьи...

Содержание

Пролог	6
Глава 1	10
Глава 2	13
Глава 3	15
Глава 4	23
Глава 5	25
Глава 6	34
Глава 7	37
Глава 8	40
Глава 9	46
Глава 10	58
Глава 11	61
Глава 12	66
Глава 13	68
Глава 14	74
Глава 15	77
Глава 16	80
Глава 17	81
Глава 18	88
Глава 19	94
Глава 20	97
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Себастьян Фитцек

Мимика

Посвящается Регине Циглер

*Мы никогда не познаем себя до конца, и за одну
ночь мы становимся другими, хуже или лучше.*

Теодор Фонтане

Серия «Зарубежный детектив»

SEBASTIAN FITZEK

MIMIK

roman



© Перевод, ООО «Гермес Букс», 2026

© Художественное оформление, ООО «Гермес Букс»,
2026

Пролог

– Мама, мне холодно.

– Пройдет.

Шестилетняя девочка поежилась. Ей следовало бы надеть колготки, но дома было так тепло. Почему всего за несколько минут до выхода всегда так трудно представить, насколько холодно может быть на улице?

Особенно, если давно не выходишь.

– Может, пойдем домой?

– Тебе не нравится наша прогулка?

– Так жестко на камнях.

– Пройдет, – сказала мать, но девочка сомневалась. Завтра она наверняка будет вся в синяках.

– Просто лежи.

– Как долго?

– Пока я тебе не скажу.

Голос мамы дрожал, словно ей самой было холодно, но она не хотела в этом признаться. Причем так странно она говорила весь день. Может быть, она снова попала в больницу и получила плохие новости. В первый раз, когда ее не было дома несколько недель и у нее начали выпадать волосы, голос у нее тоже звучал странно. Будто она одновременно злилась и грустила. Может быть, она чувствовала вибрации, проходящие через грудь и голосовые связки?

– Мама? – спросила девочка, убедившись, что пронизывающие ее тело вибрации не просто плод ее воображения.

– Да?

– Я слышу странный шум.

– Не обращай внимания.

«*Но почему нет?*» С полчаса ничего не происходило, за исключением того, что ее руки и ноги становились все непослушнее, такими холодными и онемевшими. Она подождала еще немного, а потом сказала:

– Шум. Он становится громче.

– Не бойся. Просто лежи.

Мама взяла ее за руку. Но не так, как раньше. Скорее, будто держала какой-то предмет. Властно.

В темноте она повернулась к матери, и та, в свою очередь, посмотрела на нее. В глаза матери упал лунный свет, и ей показалось, что в них она увидела свое отражение. В первый момент девочка не могла сказать, чего испугалась больше: того, что увидела на лице матери, или того, что та ей говорила.

– Одного ты никогда не должна забывать.

– Чего, мама?

– Ты – мое порождение. Моя плоть и кровь.

Холод ночи соединился с морозом в глазах матери, создав тревожное единство. Девочке хотелось отвести глаза, но она не могла, словно зрачки матери притягивали ее взгляд насильно, будто магниты.

«Куда делась твоя любовь? – хотела спросить она. – Любовь, с которой ты смотрела на меня раньше». Теперь глаза матери напоминали ей замерзшие озера.

Вибрации отвлекли ее. Они уже проходили по всему ее телу, когда мать скомандовала:

– Закрой глаза! И что бы ни случилось, не открывай их, пока я не скажу.

Она испуганно ее послушалась. Потому что увидела в глазах матери что-то такое, чего ей никогда в жизни не хотелось бы видеть.

Они молча лежали рядом, а шум становился все громче, вибрации все неприятнее.

Вдруг мать властным тоном произнесла:

– Но никогда не забывай: мы с тобой одно целое! Один человек!

Эту фразу, хотя лежали они совсем рядом, ей из-за шума и вибрации пришлось выкрикнуть. Теперь все вокруг так грозно грохотало, что девочка, послушавшись веления матери, открыла глаза. Она посмотрела на небо, и оно стало гораздо светлее, чем всего несколько минут назад, когда они тут ложились.

– Мама? – Она повернулась к матери, но ее лица больше не видела, настолько ее ослепило.

Ей одновременно захотелось закричать, убежать и заплакать.

Однако для всего этого было уже слишком поздно.

Она слишком ослабла, чтобы встать.

Холод железнодорожного полотна, на котором она лежала, парализовал руки и ноги. А фары грузового поезда, мчавшегося на нее сквозь тьму, были слишком, слишком близко.

Глава 1

27 лет спустя

Ханна Хербст

Тихо.

Слишком тихо.

Обычно в это время Ханна уже слышала на улице детский смех и крики, по крайней мере, если ей выпадала удача найти место для парковки возле детского сада «Цвергенвальд». Иногда ей приходилось объезжать квартал несколько раз, прежде чем место освобождалось, хотя у большинства жильцов прямо на территории их вилл имелись гаражи. Тем не менее в час пик, когда футболисты выстраивались в очередь на близлежащие спортивные площадки, а ученики соседней вальдорфской школы ждали приезда родителей, в престижном Вестэнде можно было застрять в пробке во втором ряду, как при коммерческой доставке на Котбуссер-дамм. Однако сегодня Ханна сообщила, что заберет Пауля пораньше, а потому наслаждалась возможностью свободного выбора парковочных мест прямо перед зданием евангелического детского сада с плоской крышей.

Необычно было и то, что ворота оказались приоткрыты. Встревоженная, Ханна схватила за горло. Что-то здесь не так, и это что-то, казалось, сдавило ее шею холодными пальцами.

Никогда еще она не входила во двор детского сада, не введя предварительно пин-код. Эту меру безопасности при входе и выходе соблюдали все, ожидая, пока отзвенит звонок и закроются ворота, чтобы ни один ребенок не выбежал на улицу.

«Они что, на экскурсии?»

Но Мирте, директриса, непременно о чем-то подобном обмолвилась бы, когда утром она ей рассказывала о важном дне. Они всей семьей хотели поехать в Дрезден на вернисаж новых картин Рихарда. Ради этого они даже пораньше забрали из школы Киру, дочь Рихарда от первого брака.

Тишина царила, даже когда она открыла дверь в коридор.

Ханна изучила объявления в вестибюле детского сада и нашла упоминание о Вольфе Шлагмане, новом стажере, которого дети звали Волле. Рядом с его фотографией был листок с объявлением о возобновлении развивающих музыкальных занятий. Плавание в детском саду начнется только завтра. На сегодня ничего особенного не запланировано.

Ханна открыла следующую дверь, в раздевалку. Здесь более или менее аккуратно были развешаны куртки дюжины малышей, сменная одежда сложена на полки, а под ними спрятана обувь.

Здесь тишина закончилась. Тем не менее невидимая петля на ее шее затянулась еще туже. До ушей Ханны доносились звуки, которых она в детском саду никогда раньше не слышала. Они казались неподходящими для места, где дети

должны быть счастливы. Конечно, случались истерики, крики и плач, когда кто-то из детей, например, спотыкался и разбивал коленку. Но откуда это непрекращающееся шипение, которое, если прислушаться, состояло как минимум из трех компонентов: шепота, хныканья и всхлипов?

Ханна прошла через раздевалку к центру детского сада, открыла последнюю дверь и увидела безумного захватчика заложников, примерно в ту же секунду услышав его крик:

– Скажите мне, кто это сделал! – заорал он. – Или я убью вас обоих!

Глава 2

Худой парень лет двадцати пяти стоял посреди многофункционального помещения, расположенного между групповыми комнатами и кухней. В это время дня оно служило столовой. В воздухе витал аромат картофеля с розмарином и нута. На маленьких столиках стояли полные тарелки. Дети, которым полагалось из них есть, сидели на корточках у пианино, перед малышами на полу сидели Мирте и Аня, обняв детей, словно защищая их.

Отсюда и шипящий шепот: «Не смотрите, отвернитесь, смотрите вниз», – тихо говорили они детям на ухо, а сами едва осмеливались поднять глаза.

Захватчик стоял посреди комнаты, на том самом месте, где в декабре всегда устанавливали рождественскую елку. Одной рукой он держал за шиворот двух детей.

«Икота в мозгу» – так позже Ханна описывала своему мужу Рихарду пульсацию в голове при виде смертельно опасной ситуации. Ощущение было такое, будто миллиарды клеток под черепом хаотично дергались и сокращались, постоянно прерывая течение мыслей.

Находившаяся в руках преступника девочка была... точь-в-точь... Замира, темноволосая, с ярко-зелеными глазами, с неизменным бантом в волосах. Сегодня красным, под цвет ее платья с Микки-Маусом. Именно она так душераздирающе

рыдала и скулила.

Мальчик рядом с ней молчал, хотя именно ему в висок смотрел ствол пистолета захватчика. В отличие от Замиры Ханне не пришлось долго раздумывать, кто он. Потому что это был Пауль. Ее пятилетний сын.

Глава 3

– О боже! – почти беззвучно выдохнула она, невидимые руки, сжимавшие ее горло, едва давали свободно дышать.

Ее никто не замечал. Ни воспитатели, ни Пауль, ни даже вооруженный захватчик заложников.

– Кто из вас соврал? – крикнул он.

Ханна чувствовала, как будто поток мыслей пытался буквально вырваться из ее головы.

«Я его знаю. Я его только что видела».

Лицо Вольфа («зовите меня Волле») искажала гримаса, и оно имело мало общего с улыбающейся фотографией, которую Ханна только что рассматривала на доске объявлений.

Новостные интернет-издания буквально через несколько часов напишут о том, о чем газеты сообщат только на следующий день: «убийца из детского сада» проник в детский сад с пистолетом и вел себя как террорист.

«Кто боится злого Волле?» – позже осмелится спросить в заголовке редактор.

Кто-то из детей – кто именно, мы так и не узнаем – обвинил Вольфа «Волле» Шлагмана в том, что тот его трогал, пока он качался на качелях. Произошло это несколькими днями ранее.

Администрация детского сада отстранила стажера от работы до выяснения обстоятельств и, к сожалению, не только

забыла снять его анкетный листок с доски объявлений, но и оставила сообщение на его голосовой почте. Его перехватила жена Волле, находившаяся на последних месяцах беременности. Поскольку их брак и без того уже переживал кризис, у нее появилась еще одна причина выгнать будущего отца из общей квартиры. Одновременно она распространила слух среди своих друзей, и он дошел до профессионального училища социальной педагогики, где Волле заканчивал обучение. Брошенный и оклеветанный, он почувствовал себя банкротом как в личном, так и в профессиональном плане. Действительно ли он вел себя с ребенком неподобающим образом, установить уже не удастся. Однако то, что человек с такой склонностью к чрезмерным проявлениям агрессии больше никогда не должен работать с детьми, не вызвало сомнений. У него явно была патологическая склонность к насилию, а ярость его ослепляла и делала неразборчивым в средствах. Замиру и Пауля он выбрал в качестве заложников ненамеренно. Им просто не повезло, и они первыми попались ему под руку.

«Пауль».

Он смотрел в сторону Ханны, словно сквозь нее. Словно онемев. Она подала ему знак, покачав головой. Не слишком сильно, потому что ни в коем случае не хотела привлекать внимание захватчика.

«Хорошо. Он меня видит».

Ханна перешла на невербальное общение. Как-то раз ее

лучшая подруга Тельда сказала, что это похоже на телепатию: она может общаться с близкими людьми, не используя голосовые связи. Для этого требовался чуткий партнер, такой как Пауль, с которым она снова и снова практиковалась с тех пор, как он начал проявлять интерес к профессии матери.

«*Я тебя защищу!*» – подала она ему знак, два раза крепко зажмурив веки и снова открыв их лишь через секунду.

– Мамочка, а чем ты на самом деле зарабатываешь на жизнь? – впервые поинтересовался Пауль около года назад, и она ответила:

– Я читаю по лицам.

Он задрал свой веснушчатый нос и, озорно ухмыляясь, спросил:

– Ну и что? Что ты читаешь на моем?

– Радость, любопытство... и то, что твоя комната снова стала полем боя!

Паулю только что исполнилось четыре года, и уже тогда он хотел узнать больше. И она подробно объяснила ему, что, как эксперт по мимическому резонансу, она обращает внимание на малейшие изменения лицевых мышц. На движения губ и подбородка, глаз и носа, бровей и лба. На не поддающуюся контролю даже при интенсивных тренировках микромимику, которая исчезает в мгновение ока.

– Можешь узнать, что кто-то лжет?

– Или боится, испытывает отвращение, радость или

грусть.

Или уловить беспомощность в сочетании с готовностью напасть. Как сейчас у Волле. Она видела, что он думает, будто ему нечего терять. А это и есть самое опасное.

– Мимический резонанс? – повторил Паульхен. – Зачем нам эта ерунда?

Он хихикнул, когда она через футболку ткнула пальцем ему в пупок, назвав «дерзким карликом». Она слишком часто так делала, просто потому, что то, как он прыскает, казалось ей таким милым, все еще напоминая детский плач – громкий и высокий.

– Я работаю в полиции или судах. Иногда они не уверены, действительно ли человек злой. Тогда приглашают меня, когда они с ним разговаривают, и я оцениваю, соответствует ли выражение его лица тому, что он говорит или делает.

С Волле сомнений не было. Все признаки совпали.

Дергающаяся внутренняя сторона бровей: беспомощность. Пронзительный взгляд: ярость. Он был готов взорваться. Готов оборвать сразу несколько жизней. Вопрос лишь в том, какую первой?

Пауля или Замиры?

Ей надо действовать. Немедленно!

– Эй! – крикнула Ханна, и теперь ее заметили. Захватчик глянул на нее мельком, но взгляд Паульхена задержался.

Хорошо, хорошо.

«Вспомни, что я тебе показывала!» – беззвучно прошеп-

тала она, приложив указательный палец к виску. — *Вспомни!*»

Пауль тяжело дышал, но кивнул. В ее глазах он прочел то, что она хотела ему сказать.

Рихард считал это преждевременным, но, по ее мнению, воспитание эмпатии у детей необходимо начинать как можно раньше. Изучение мимики было, по сути, всего лишь изучением эмоций, интерпретацией действий другого человека, не требующих от него никаких слов. И точно так же, как Рихард научил Пауля кататься на велосипеде и фотографировать, Ханна познакомила его с основами языка тела.

«Помнишь, что мы тренировали?»

Пауль снова кивнул. Он понял. Он прочитал это в ее глазах. Ханна поблагодарила Бога за то, что так рано начала развивать его чувства.

Она указала на свои глаза, затем на Волле.

«Да, именно. Смотри на него! Не отводи взгляд! Смотри ему в глаза!»

Урок 1: искренность! Поддержание зрительного контакта.

По ее мнению, больше всего в жизни помогает правда. И это можно было понять не по словам людей, а по выражению их лица.

— Нет ничего более искреннего, чем смотреть друг другу в глаза и открыто показывать свои чувства, — учила она Пауля.

В разговоре с подругой, позже — в разговоре с воспитателем, а затем, когда придет время, на первом свидании. Обо всех этих ситуациях думала Ханна во время тренировок с

Паульхеном. А не о борьбе за выживание в детском саду.

«Да, хорошо. Именно так».

Сердце забилося у нее в груди, словно кулак в дверь спальни, когда она увидела, как Пауль дергает мужчину за рукав рубашки.

– Эй?

Волле сверху вниз посмотрел на ее сына. Теперь пистолет был направлен прямо ему между глаз. И все же Пауль не ошибся. Ему удалось то, что не смогла Замира. Ее глаза наполнились слезами.

Ее тело буквально сотрясилось от рыданий. Настолько несведущий профан, как Волле, мог воспринять это не просто как страх смерти и беспомощность, а как признание вины. Выражение лица Пауля, напротив, делало его невинным, как ангел. Грустным, испуганным, но честным. А поскольку мальчик сумел выдержать гипнотически пронзительный, полный ярости взгляд отчаявшегося жестокого захватчика, тот принял решение. Неосознанное. Воспитатель скорее интуитивно поверил Паулю, когда тот произнес:

– Волле, я ничего не сделал.

«Я сознательно дала добро на ее смерть?» – вспоминая об этом годы спустя, спрашивала себя Ханна. По собственной инициативе произвела триаж, отделив агнцев от козлиц? Воспользовалась знанием мимики, чтобы ее ребенок выглядел невиннее другого? Чтобы пуля миновала Паульхена и попала в голову не ему, а Замире?

С этого момента вся ярость Волле обратилась против нее. Волле отпустил Пауля, не убежавшего, хотя Ханна ему махала. Потом она ему крикнула. Однако сын остался стоять на месте. И смотрел он уже не в глаза захватчика, а на его пистолет, ствол которого, после короткого взмаха, уперся в висок Замиры.

Ни нажатия на спусковой крючок, ни звука выстрела Ханна не слышала. Однако внезапно по линолеуму растеклась кровь.

Почему, выяснилось позже. Как и происхождение перочинного ножа, который Пауль ни в коем случае не должен был брать из ящика стола Рихарда, не говоря уже о том, чтобы приносить с собой в детский сад.

– Я вместе с Марексом хотел вырезать по дереву, – скажет Пауль позже.

Вместо этого он воспользовался моментом, когда Волле потерял к нему интерес, и нанес ему удар ножом в бедро. Чем в последнюю секунду спас жизнь Замиры. Она уже была дома, в безопасности, пока врачи в больнице Вирхова все еще боролись за жизнь педагога.

Детсадовский линолеум отмывался легко. К следующему утру не осталось и следа от психически неуравновешенного преступника, едва не застрелившего ребенка.

Кровь лилась лишь в воспоминаниях Ханны.

Постепенно страшные образы утратили остроту. Однако прошло еще семь лет, прежде чем они перестали преследо-

вать Ханну во сне.

Но лишь потому, что им на смену пришли образы гораздо более жуткого кошмара, произошедшего в доме семьи Хербст в ночь с 12 на 13 октября.

Глава 4

Семь лет спустя

*Семейный дом Ханны, Рихарда, Пауля и Киры Хербстов
12–13 октября*

Как-то раз один серийный убийца сказал, что убить человека легко. Гораздо сложнее с этим жить.

«Посмотрим, правда ли это».

Первый удар ножом, прямо в сердце, потребовал почти нечеловеческих усилий. Хотя все закончилось быстро, и Кира даже не заметила. Пятнадцатилетняя девочка лишь вздохнула.

Затем пришла очередь отца. Он умирал громче. Но тишина, последовавшая за его последним вздохом, оглушала сильнее, чем его предсмертные муки.

В темноте спальни разносился запах железа. Застревая у меня в ноздрях. Блики лунного света, проникавшие через окна первого этажа, придавали всему вокруг ртутный оттенок. Рисуя тени танцующих ветвей на бледном ковре, жадно впитывавшем кровь, которая капала с ножа по пути в коридор.

Как забавно выглядела дверь во вторую детскую. Она была оклеена зеленой пленкой для школьной доски, на которой черным несмываемым маркером было написано:

«С моего 12-летия действует правило – стучать в дверь!

Подпись: Пауль».

«Ну что ж, уже поздно, а убивать – утомительно». Сильный зевот заглушил тихий скрип медленно открывающейся двери в темную детскую.

Где находилась последняя на эту ночь цель.

Глава 5

13 октября, сегодня

«Погибшие от огня, погибли от дыма». Разбуженная этой мыслью, она невольно начала втягивать воздух носом. Будто хотела убедиться, что здание не горит и дым уже не начал проникать в ее комнату.

Но ничего не было. Гарью не пахло, дым сквозь щель под расположенной справа от нее входной дверью не пробивался по потертому, некогда кремовому и высоковорсному ковру, ныне напоминавшему грязный половик: серый и затоптанный множеством ног.

«Во время пожара большинство людей погибают не в пламени. Они задыхаются в токсичном дыму».

Итак, она совершенно ясно видела: лампу матового стекла, напоминающую старую салатницу, небрежно прикрученную к оштукатуренному потолку. В пятнах, как и покрывало, на котором она лежала, почти того же цвета, что и задернутые шторы у ее кровати. Плотная коричневая ткань не пропускала свет, так что она не могла понять, сейчас ночь или просто шторы обеспечивали чрезвычайно эффективное затемнение. «Возможно, – и это была лишь одна из многих тревоживших ее мыслей, – возможно, за ними вообще нет окон?»

Возможно, занавески – просто муляж, как пластиковые

орхидеи в вазе на комод. Однако телевизор рядом с ним был настоящим. От него шел странно монотонный фоновый шум, и в тот момент она воспринимала его скорее единственным источником света, а не источником информации. Для такого расстояния от кровати его экран был слишком мал. Чтобы увидеть, что показывают, ей пришлось бы поднять голову, на что у нее едва хватило сил. Еще лучше, хотя бы для ее вышедшей из-под контроля кровеносной системы, сесть в постели. Но она не могла. Просто потому, что кабельные стяжки, которыми она была связана, не давали ей возможности двигаться.

Изголовье ее кровати было обито грязно-серым дерматином. Сверху шла труба нержавеющей стали. Может, из эстетических соображений, а может, чтобы лежащие на изголовье предметы не падали на матрас. Каково бы ни было ее изначальное предназначение, кто-то использовал ее, чтобы привязать к изголовью, так туго затянув петли стяжек, что она даже не могла по трубе свести руки вместе. В результате оказалась в позе Иисуса, лежащего на кресте, – голова покоилась на матрасе, а руки были подняты на полметра над туловищем.

«Одна подожженная офисная корзина для бумаг может произвести несколько тысяч кубометров дыма».

Судя по всему, телепередача была посвящена пожарной безопасности в собственном доме. В ней говорилось о датчиках дыма, среднем времени прибытия пожарной службы

и феномене глядящих на огонь людей, которых пламя часто настолько завораживало, что, загипнотизированные его разрушительной силой, они теряли драгоценное время, вместо того чтобы немедленно позвать на помощь.

«Помогите!» – закричала и она. Пусть лишь мысленно. Свободными ногами она отбросила покрывало к изножью кровати, как будто это имело хоть какой-то смысл.

Но что вообще имело смысл в этой ситуации?

Она проснулась в незнакомом месте, привязанная к незнакомой кровати, в незнакомой обстановке, настолько безликой и стандартной, что, вероятнее всего, это был дешевый гостиничный номер. Она предельно ясно видела унылую обстановку: обтянутый тканью торшер, темные деревянные стеновые панели, у предположительно ведущей в ванную двери на стене висела акварель с извивающейся лесной тропинкой. Она все видела, но чувствовала себя настолько дезориентированной, словно ее окутывал ядовитый туман, который – и это была еще одна ужасная мысль – будет преследовать ее повсюду, даже если ей когда-нибудь удастся освободиться от своих пут. И хотя ядовитые пары не заполняли все вокруг, закрыв глаза, она тотчас предельно ясно ощутила, что заблудилась в самой себе. Пелена забвения (как она теперь это называла) была внутри ее самой, затопляя ее разум.

«Меня душит мое сознание!»

Из ее пересохшего горла вырвался хриплый испуганный

стон, выражение ужасного осознания того, что она не только физически, но и психологически беспомощна и уязвима.

Она закрыла глаза и попыталась вспомнить, но ее вновь окутывала лишь пелена забвения. Ощущала себя водителем, сбавляющим скорость в густом тумане, потому что все видится смутно. Задние фары едущих впереди автомобилей, неясные тени по бокам, которые могли быть чем угодно: деревьями, оградами, сломанными машинами. Что-то можно было разглядеть, но, как ни напрягай глаза, как ни щурься, не уловить ничего, кроме смутного очертания. Именно так она себя чувствовала, погружаясь в течение мыслей. Она знала, что где-то в непроницаемом дыму таятся ее воспоминания о том, кем или чем она была и как оказалась здесь в таком состоянии: босиком, в одной лишь грубой хлопчатобумажной ночной рубашке, похищенная и доставленная в гостиничный номер. И с болью, расходящейся во все стороны из какой-то точки тела, которую она пока не могла установить.

И чем больше она пыталась очистить воспоминания от непроницаемой пелены, тем дальше, казалось, отдалялось от нее все, что определяло ее как личность: имя, возраст, профессия, семейное положение, происхождение...

«Я не знаю, кто я, где и что со мной», – подумала она, и, если бы не этот голос, так приятно и успокаивающе говоривший с ней из телевизора, она, вероятно, утратила бы последний якорь, связывающий ее с реальностью, и окончательно унеслась в открытое море забвения.

«...Мы прерываем текущую программу для прямой трансляции пресс-конференции берлинской полиции».

Во время объявленного телеведущей перерыва она услышала скрип, напоминавший звук закручиваемого водопроводного крана. Одновременно пропал шедший не от телевизора шум.

Она посмотрела налево, в сторону двери, за которой, по ее предположению, была ванная. Затем попыталась повернуть вслед за головой и тело, но, вскрикнув, сдалась.

Даже легкое движение вбок по кровати спровоцировало взрыв лихорадочной, поднимавшейся от паха боли.

«Черт, я обнаружила очаг пожара».

Слева, над бедром, под грудной клеткой.

Возможно, именно там родилось пламя, из которого в мозг поднимался дурманящий дым?

«Пелена забвения?»

Она осмотрела себя. Увидела под ночной рубашкой выпуклость. «Что за черт?..»

Ощущение было словно от зияющей раны, а выпуклость под ночной рубашкой говорила о том, что ей наложили повязку. Но обезболивающих, видимо, дали недостаточно. Даже просто лежать на кровати было невыносимо больно.

«Добрый день, дамы и господа, спасибо, что вас сегодня пришло так много. Прежде всего: цель и смысл этой пресс-конференции не в том, чтобы напугать население, однако мы считаем своим долгом предупредить общественность о Лут-

це Бланкентале. Также известном как Хирург».

Она подняла голову и увидела на экране телевизора изможденного мужчину с осунувшимся лицом, ниже красовалась надпись: «Главный комиссар уголовной полиции Филипп Штоя».

«Хорошо, читать я умею. И я пребываю в израненном теле взрослой женщины, прикованной к гостиничной кровати», – подытожила она те немногие обрывки, которые выяснила о себе на данный момент.

«Вчера вечером Бланкенталь совершил эффектный побег из тюремной клиники Буха в Панкове. Этот пятидесятилетний мужчина – крайне склонный к манипулированию, а следовательно, очень опасный преступник, и никому – и такова наша настоятельная просьба – не следует вставать у него на пути. При встрече с ним не геройствуйте. Не подвергайте себя опасности, а немедленно звоните в полицию. Вот сделанная совсем недавно фотография Бланкенталья».

Она попыталась подтянуться на связанных руках, чтобы, если не сесть, то хотя бы лежа прислониться к изголовью кровати. Боль, спровоцированная этой новой сменой положения, была совершенно невыносима. Ощущение такое, будто пальцы-когти впились в ее кожу там, где, по ее представлению, находилась повязка, чтобы голыми руками разорвать плоть, словно оберточную бумагу.

По крайней мере, она не потеряла сознание и смогла лучше разглядеть фотографию сбежавшего преступника, зани-

мавшую – если не считать колонок котировок акций в правом углу – почти весь телеэкран.

Видела она лишь голову беглеца, но, оказись в ее поле зрения весь снимок, она не удивилась бы представшему перед ней пятидесятисемилетнему мужчине, стоявшему на палубе парусной яхты; его сильные руки покоились на штурвале, выступающий, чуть великоватый подбородок бросал вызов свежему ветру, взвевавшему с морщинистого чела мыслителя пряди седых волос и игравшему кудрями на затылке.

Потребуй у нее описать разыскиваемого тремя словами только по фотографии, она сказала бы: серьезный, спортивный и самоуверенный. Старший следователь берлинского отдела убийств подобрал три совершенно противоположных определения, пусть также и начинавшихся на *букву «с»*: «Лутц Бланкенталь – серийный убийца, социопат и садист».

Камеры переключились на показ длинного стола заседаний, установленного на сцене напоминавшего гимнастический зала, и не менее двух десятков репортеров, столпившихся вокруг.

«Не окончив среднюю школу, тем более медицинский институт, Бланкенталь сумел занять несколько постов в различных больницах, в том числе должность главного хирурга в частной клинике в Потсдаме. Он обманул десятки специалистов, но в первую очередь пациентов, доверивших ему жизнь и в некоторых случаях ее лишившихся. Не повторяйте их ошибок и не поддавайтесь его обаянию и серьезной на-

ружности. За привлекательным фасадом скрывается крайне жестокий садист и психопат. Бланкенталь возбуждается от вскрытия человеческих тел. Он не хитрый мошенник, присвоивший себе звание врача и одурачивший медицинское начальство. Свои жертвы Бланкенталь вскрывает ради удовольствия, иногда без анестезии, просто чтобы насладиться видом их внутренностей».

Она снова вскрикнула. На этот раз не от боли, хотя при последних словах следователя еще сильнее почувствовала, как пульсирует ее рана. Она вздрогнула от испуга. Потому что расположенная слева от нее дверь, за которой только что раздался грохот, открылась, и в комнату ворвался поток влажного, пахнущего гелем для душа воздуха из ванной.

И появилась тень. Едва различимая в исходящем от телевизора голубоватом свете. Пока инспектор Штоя продолжал свою речь:

«Вчера Бланкенталь был госпитализирован в тюремную больницу с подозрением на инсульт. Мы предполагаем, что он симулировал симптомы и на самом деле совершенно здоров. В больнице ему удалось справиться с охранниками и лечащим врачом. Он взломал шкафчик с медицинской одеждой и опять переоделся хирургом. Обстоятельства его последнего побега я отдельно расскажу позднее. В любом случае все это свидетельствует о его поистине убийственном интеллекте».

В этот момент она поняла, кем была эта тень, прокрадва-

яся к ее кровати во влажном воздухе ванной. Это был только что принявший душ мужчина в одной лишь простыне до пояса, – которого она, будь он не полуголым, а в матросской экипировке, легко представила бы себе на океанской яхте.

«К сожалению, также должен сообщить вам, что во время побега Хирург совершил еще одно убийство...»

На этой фразе полицейского мужчина выключил телевизор.

– Кто вы? – спросила она, хотя только что неоднократно слышала его имя по телевизору. Голос ее звучал хрипло и сдавленно. Она почувствовала, как раздуваются ноздри, как во всем теле нарастает напряжение. Дрожь.

«Типичные сигналы страха», – невольно подумала она. Обусловленные эволюцией, как ее повлажневшие ладони, с чьей помощью человек каменного века, спасаясь бегством, лучше цеплялся за камни и деревья. «Улучшается хват. Вот почему мы до сих пор, переворачивая страницу, слюним палец», – услышала она внутренний голос.

Тем временем мужчина в комнате громко и отчетливо произнес:

– Меня зовут Лутц Бланкенталь. Хорошо, что вы, наконец, проснулись. В таком случае, госпожа Хербст, мы можем начать прямо сейчас.

Глава 6

Он выключил телевизор. Затем наклонился к изножью кровати. Она услышала звук расстегивающейся молнии. «Боже мой, что он задумал? Он что, собирается меня разрезать? Без анестезии, как и другие свои жертвы?»

Она закрыла глаза. Застонала. Снова их открыла, но кошмар не закончился. Хирург снова стоял перед ней. Без скальпеля, но с черной спортивной сумкой в руке.

– Я просто переоденусь, – сказал он.

«Переоденусь? Во что?»

Неужели он в ванной только что завершил извращенный ритуал дезинфекции? Неужели он уже надевал хирургический халат?

– Чего, чего... вы от меня хотите?

«Я тот врач, которого он одолел? Госпожа Хербст?»

– Где я?

– В гостиничном номере.

«Я понимаю. Но почему? Как я сюда попала?» Поскольку в тот момент ее больше заботило собственное выживание, чем причина этого безумия, она закричала во всю силу дрожащего голоса:

– Отпустите меня. Сейчас же!

Беспомощно она тряхнула оковами.

Бланкенталь энергично покачал головой:

– Нет, не могу.

С сумкой в руке он повернулся к ванной.

«Боже, он действительно безумен. И я в его власти, даже не зная, кто я».

Внезапно она почувствовала себя совершенно бессильной, словно сама попытка встать лишила ее последних сил. Но кто знает, что ей пришлось пережить за последние несколько часов?

– Пожалуйста, не причиняйте мне боль, – умоляла она его.

Бланкенталь остановился. На мгновение его мимика и жесты застыли. Это мгновение показалось ей замедленной съемкой. На долю секунды мужчина словно замер. «Эффект замирания – подсознательная ориентировочная реакция», – снова услышала она свой голос и задумалась, почему обратила внимание на эти детали.

– Мне не причинять *вам* боль?

Бланкенталь вышел из транса и снова к ней подошел. Склонился над ней. Внезапно он оказался так близко, что она уловила свежий, древесно-табачный аромат туалетной воды, который он, должно быть, использовал в ванной.

– Кажется, вы чего-то не понимаете, – заглядывая ей в глаза, сказал он.

Она отражалась в его зрачках, обрамленных темно-синими радужками. К сожалению, ее отражение было слишком маленьким, чтобы она себя узнала. Потому что даже этого не помнила: «Боже мой, я даже не знаю, как выгляжу».

– Пожалуйста, развяжите меня, – умоляла она, уже не думая о том, насколько испуганно и жалко это прозвучало... «потому что я именно такая и есть: испуганная и не надеющаяся на милосердие...» – Пожалуйста, я хочу домой! «Где бы он ни был».

– Это невозможно. Я не могу вас развязать, – вновь произнес Бланкенталь все тем же поразительно резким голосом.

– Но почему бы и нет?

Хотя она уже долгое время балансировала на грани отчаяния, его ответ стал для нее последней каплей.

– Потому что... – проговорил Бланкенталь, и его голос стал серьезным и строгим, – потому что я вас слишком боюсь.

Глава 7

«Он меня?» Будь эта история серийного убийцы, боящегося своей похищенной жертвы комедией, за ее просмотр можно приятно скоротать вечер в кино. К сожалению, она снималась в другом фильме. А ее рана, боль, оковы и, не в последнюю очередь, полная потеря памяти делали невозможным найти всему этому забавное объяснение.

– Вы со мной играете? – спросила она. Как кот, который приволок домой мышь, таскал ее по гостиной словно мячик, а потом съел.

– Прошу прощения? – Бланкенталь поднял кустистые седеющие брови. Его глаза расширились. «Знак искреннего удивления».

– Это жуткая шутка? – спросила она его.

Он помотал головой.

– Я не понимаю.

«Хватит». Она выгнула спину настолько, насколько позволяли путы. На мгновение перестала чувствовать боль, только гнев.

– Нет. Я не понимаю. Я в ВАШЕЙ власти. – Серийный убийца, садист и социопат. – ВЫ убивали людей. ВЫ похитили меня и, скорее всего, ранили. ВЫ держите меня в заложницах. И утверждаете, что боитесь меня?

Измученная, она откинула голову на матрас. Руки посте-

пенно онемели. Казалось, сердцу было трудно перекачивать кровь от лежавшего на кровати тела к связанным конечностям. Возможно, стяжки перекрывали кровоснабжение от запястий и выше.

– ВЫ явно сумасшедший, – продолжила она, игнорируя предостерегающий внутренний голос, советовавший ей больше не раздражать стоящего перед ней откровенно психически больного мужчину.

Однако, несмотря на ее оскорбление, Бланкенталь, казалось, совсем не рассердился. Скорее, присмирел. Он грустно кивнул и поставил сумку, в которой, надо надеяться, лежала сменная одежда, где-то раздобытая им после побега. Возможно, там были и скальпели, пилы для костей и хирургические скобы.

– Мне жаль, что вы слышали все эти разговоры обо мне. – Бланкенталь указал на телевизор.

Она отметила, что его тело в идеальной форме. Ни капли лишнего жира, никаких складок на животе, но зато хорошо развитые мышцы пресса и груди.

– Госпожа Хербст, я хотел узнать, что о нас говорят в новостях, и забыл выключить телевизор, прежде чем принять душ.

«Хербст».

Снова эта фамилия.

Звучало знакомо, и все же она сомневалась. Возможно, она известна ей только как название времени года. А может,

ее в самом деле так звали.

«Хербст».

Как и многое другое, этого она не могла вспомнить.

– Не знаю точно, что вы обо мне слышали, но, скорее всего, это была та ложь, которую все обо мне рассказывают, – сказал Бланкенталь.

Она вздохнула. «Не могу поверить, что я действительно веду этот разговор».

– То есть вы не сбегали из тюремной клиники?

– Это правда. Но в тюрьму меня посадили ни за что. Я не извращенец. Преднамеренно я не убил ни одного невинного человека.

Его взгляд еще более посуровел.

– В отличие от вас, Ханна Хербст!

Глава 8

Это был первый из многих раз, когда ей хотелось, чтобы пелена забвения поглотила не только прошлое, но и настоящее.

– Меня?

Бланкенталь кивнул.

– Я убила?

– Как вы думаете, почему оказались в тюремной клинике?

– Потому что я тот доктор, которого вы одолели и, предположительно, ранили во время побега.

– Простите? – недоверчиво рассмеялся Бланкенталь. – Вы шутите? Вы не врач. А рану, по поводу которой вас должны были прооперировать в тюрьме, вы нанесли себе сами.

– Вы несете полную чушь.

– Зачем мне это?

– Не знаю, доктор, – резко ответила она, сдерживая кашель. Каждое слово обжигало пересохшее горло. – Вас официально объявили сумасшедшим. Я только что услышала это в новостях. Вся страна знает.

Бланкенталь глубоко вздохнул. На виске пульсировала жилка.

– Не верьте тому, что обо мне пишут СМИ.

– То есть вы не фальшивый хирург, которого возбуждают вскрытые человеческие тела?

– Ради всего святого, нет. Я мошенник. В этом я признаю себя виновным. Я никогда не изучал медицину, но хирургические методы у меня лучшие и медицинские знания обширнее, чем у большинства моих коллег с официальным дипломом врача.

– Но вы убивали людей!

Он печально кивнул.

– Эти два пациента не заслуживали ничего меньшего. Они были жестокими преступниками самого худшего рода. Официально они признавались столпами общества, уважаемыми гражданами, но мне разрешили поговорить с их женами перед операцией. И я видел раны, которые они нанесли им и своим детям. Поэтому я оказал обществу услугу, не проявив максимальной осторожности во время операции.

Могучий кадык Бланкенталя тяжело дернулся, когда он сглотнул.

– Но я не вскрывал их из-за какой-то патологической склонности или чего-то подобного... – Он снова сглотнул. – Это была ложь следователей, намеренно слитая в таблоиды. Молодой прокурор хотел прославиться за мой счет своим первым серьезным делом. Он превратил жертв в героев, а меня в монстра, чтобы извлечь выгоду из впечатляющего обвинительного приговора.

– И я должна принять это за чистую монету?

Будь у нее возможность, она показала бы ему средний палец.

– Госпожа Хербст, как же я могу вас обмануть?

– Что вы имеете в виду?

– Из нас двоих вы – эксперт. Даже если бы я захотел, не смог бы вам солгать.

Она почувствовала неприятный прилив жара, словно Бланкенталь направил на нее обогреватель.

– Не понимаю. В чем я эксперт?

Он приподнял левую бровь и бросил на нее недоверчивый взгляд. Подошел ближе, включил прикроватный светильник и склонился к ней.

– Вы правда ничего не помните?

– Нет!

Он посмотрел ей в глаза так пристально, что она инстинктивно отвернулась.

– Хм, – хмыкнул он. – Возможно, так оно и есть.

– О чем вы?

Бланкенталь отошел и тотчас появился с папкой-планшетом в руке, видимо извлеченной из сумки.

– Каковы ваши последние воспоминания? – спросил он.

«Рельсы. Приближающийся свет. Грохот. Лицо... мама?»

– Я, я не знаю...

Она шарила в тумане забвения, двигая зрачками под веками, словно исследуя воображаемое пространство, пространство своих воспоминаний. Ее мысленный взор натыкался на отдельные, разрозненные фрагменты. Воспоминания, должно быть, давние: камни на железнодорожном полотне, статуя

лошади с абажуром на голове, кровь на линолеумном полу, щекотание пупка ребенка, хихиканье...

– Все очень неясно.

Он кивнул, словно этот ответ не особенно его удивил. Затем перевернул первую страницу папки-планшета и зачитал следующее:

– «История болезни Ханны Хербст, сорока лет, проживающей по адресу: Эгесторффштрассе, 119, 12307, Берлин. Ранее не болела, регулярно лекарств не принимала. По собственному утверждению, страдает непереносимостью анестетических препаратов, которая была обнаружена во время рождения сына (кесарево сечение) и подтверждена во время аппендэктомии три года назад».

– Это вам о чем-нибудь говорит?

– Нет. Что это за папка?

– Она была на вашей кровати.

– На какой кровати?

Прежде чем ответить, Бланкенталь отступил на шаг и внимательно на нее посмотрел.

– Повторяю: в день моего побега вы перенесли операцию в тюремной клинике по поводу ножевого ранения, которое сами себе нанесли и при котором пробили селезенку. – Бланкенталь всплеснул руками. – Поверьте, знай я, кто вы, выбрал бы для побега кого-то другого.

– И КТО Я ТАКАЯ, ЧЕРТ ВОЗЬМИ?

Хирург снова подошел к кровати и потряс ее левую руку,

вероятно желая убедиться, что стяжки все еще на месте.

– Вы были моим прикрытием. Никто лучше меня не знает, как действует униформа. Я был в хирургическом халате, маске и шапочке, когда вывозил вас из палаты интенсивной терапии, куда вас доставили. Удостоверение, которое мне, к сожалению, пришлось добыть, нокаутировав нейрорадиолога перед МРТ, открыло мне все двери. В конце концов мне осталось только загрузить вас в фургон, который должен был отвезти вас обратно в женскую тюрьму в Веддинге после операции.

– Я не верю ни единому вашему слову.

Он пожал плечами.

– Верьте во что хотите. Я говорю правду. И, госпожа Хербст, в отличие от вашей истории, эта весьма правдоподобна.

«Моя история? Что, черт возьми, он имеет в виду?»

– Вывозя вас из больницы, я аргументированно заверил бригаду скорой помощи, что, как лечащий врач, должен ехать с вами, поскольку вы плохо отреагировали на анестезию. Убедить новичков было несложно. В нескольких километрах от больницы я обездвижил сопровождающего дефибрилятором, а его коллегу заставил остановиться, прежде чем усыпить и его.

– Если это правда, почему вы меня не бросили?

«Как ему вообще удалось перевезти меня без сознания из пункта А в пункт Б?»

И где вообще был этот пункт Б? В Берлине? Бранденбурге? Бельгии?»

— Вы абсолютно правы. Я действительно хотел сбежать оттуда один, — объяснил он. — Но пока мы ехали, двое в водительской кабине о вас говорили. Вот так, госпожа Хербст, я и узнал, что вы сделали.

— И что же?

Бланкенталь вздохнул и взял смартфон, лежавший, по всей видимости, рядом с телевизором. Он включил его и подошел ближе к кровати.

— Вы все равно считаете меня лжецом. Так что лучше посмотрите сами.

Глава 9

– Допрос Ханны Хербст, следственная тюрьма Моабит, Берлин. Допрос 789Z/19. Сегодня 13 октября 2000 года...

Точную дату, которую мужчина назвал на видеозаписи с ее мобильного телефона, она пропустила, потому что ее мысли блуждали.

«Меня допрашивали? Почему?»

– Допрос проводит старший инспектор Фадиль Матар.

Она не могла разобрать на экране мобильного телефона, который Бланкенталь держал в двадцати сантиметрах от ее глаз, сидит ли офицер позади камеры или сбоку. Полицейский оставался невидимым на заднем плане записи. В триллерах (их она почему-то помнила очень хорошо) видеозаписи допросов часто были зернистые, ненасыщенные, качество изображений как с камер видеонаблюдения на заправках. Возможно, все дело в том, что видео, стилизованные под старину с жутким эффектом стандарта любительской съемки, должны были усиливать напряжение. Эта же запись, напротив, была первоклассной. Только освещение можно было бы сделать чуть профессиональнее. Темные тени лежали на лице ужасно уставшей женщины, которая опиралась локтями на простой пластиковый стол мышино-серого цвета. Стол стоял напротив побеленной кирпичной стены.

«Это я? Я что, так выгляжу?»

Ей хотелось отвести глаза. Вид этой женщины вызывал у нее чувство неловкости, и вовсе не потому, что она была так уж неприятна, – совсем наоборот. Ее лицо было...

Вероятно, при обычных обстоятельствах на нее было бы очень даже приятно смотреть. Не потому, что она красива, а потому, что казалась дружелюбной. Глаза у нее были ярко-голубые, что довольно необычно при темно-каштановых волосах. Они свободно спадали на плечи угольносерого делового блейзера, надетого поверх белой блузки на пуговицах.

Хотя ее прическа выглядела сбившейся и растрепанной, регулярный уход за волосами не вызывал сомнений. Стрижка тоже явно была не из дешевых и выполнена настолько искусно, что слегка высветленные пряди выгодно подчеркивали ее лицо, словно картину в изящной раме. (Почему-то ей в голову пришло слово «балаяж», что привело ее в еще большее отчаяние, потому что она, казалось, могла вспомнить банальные термины для обозначения техники окрашивания волос, но не имена своих детей, если таковые были.)

– Давайте начнем с установления личности. Как вас зовут? – спросил Матар.

Женщина откашлялась, потом сказала:

– Меня зовут Ханна Хербст, мне сорок лет, я живу в Берлине.

Сильнейшее поражение от осознания очевидного факта заставило ее закашляться на гостиничной кровати. До сих

пор она не была уверена. Задавалась вопросом, неужели эта хрупкая на вид женщина с длинной, тонкой шеей действительно она, хотя некоторые из жестов казались ей знакомыми. Например, привычка в задумчивости слегка наклонять голову или нервное подергивание безымянного пальца левой руки. Но теперь не осталось никаких сомнений.

«Бланкенталь прав».

Голос показался не совсем знакомым, но она знала, что большинству людей непривычно слышать свой голос в записи, и не осталось никаких сомнений, что этот мягкий, но уверенный голос принадлежал ей.

«И все же...»

Она закрыла глаза.

«Нет! Это не я. Я говорю как та женщина. Также она кажется мне знакомой, но я – это не она», – пыталась убедить себя Ханна. Она повторила эту мысль несколько раз, как мантру, и таким образом ей удалось мысленно дистанцироваться от признающей на видео женщины. Что позволило ей снова открыть глаза, хотя она невероятно боялась того, в чем собиралась признаться. Однако прежде, чем женщина на видео снова заговорила, ей разъяснили ее права. На вопрос, все ли ей ясно, раздраженно ответила:

– Я достаточно часто работала в полиции.

«Что я имею в виду? Я что, полицейская?»

Она посмотрела мимо телефона на Бланкенталья, который примостился на краю пружинного матраса гостиничной кро-

вати. К счастью, банное полотенце, плотно обернутое вокруг его бедер, оставалось на месте, пока он продолжал держать экран смартфона перед ее лицом. При этом он движением бровей подал ей знак сосредоточиться на видео, на котором ведущий допрос полицейский произнес:

– Госпожа Хербст, эта запись сделана по вашей просьбе.

– Без адвоката.

– Почему вы отказываетесь от адвоката?

– Потому что у меня нет времени на юридические игры.

– Не могли бы вы объяснить это подробнее?

– Я страдаю редкой непереносимостью лекарств.

– Каких именно?

– Анестетические препараты вызывают у меня глобальную кратковременную ретроградную амнезию, которая длится от 24 до 48 часов. Моя процедурная память остается нетронутой.

– Что это означает на понятном языке? – небрежно спросил следователь.

– Ну, потеря памяти из-за анестезии – не редкость, более того, она бывает намеренной. Кому хочется помнить операцию? Проблема лишь в том, что в моем случае анестезия стирает не только воспоминания об операции; потеря памяти распространяется на все события прошлого. Нетронутыми остаются только приобретенные навыки. Проще говоря, после операции я смогу сразу же читать, писать, ездить на велосипеде и водить машину...

«Сейчас я могу делать только одно, – подумала Ханна, слушая, как сама себе объясняет свое травматическое состояние. – Я могу только кричать».

Но даже этого она сделать не смогла, настолько была подавлена собственным признанием.

– Короче говоря: из-за гормонального сбоя я потеряю память после операции. Мои долгосрочные воспоминания со временем восстановятся, однако период времени непосредственно перед анестезией останется безвозвратно утерянным.

– Означает ли это, что, проснувшись после предстоящей операции в тюремной больнице Бух, вы никогда не вспомните, что происходило в последние часы перед арестом?

– Все верно. Именно поэтому я попросила записать мои показания на видео.

– Чтобы потом вы могли себе объяснить, что сегодня сделали?

Ханна в гостиничном номере не смогла удержаться от желания еще раз взглянуть на то место, где под ночной рубашкой виднелась повязка.

– Вы должны ответить «да» или «нет», – сказал полицейский подозреваемой.

– Да, – услышала свой голос Ханна.

– Хорошо. Теперь, пожалуйста, как можно точнее опишите ход событий.

«Нет, не надо. Пожалуйста, не надо».

– Послушайте, мне очень больно. Те пастилки Smarties, которые мне давали до сих пор, могут облегчить менструальные боли, но сейчас у меня такое ощущение, будто в животе застрял электрошокер. Вы простите, если я ограничусь только самым важным.

– Чем именно?

– Я работаю экспертом по мимическому резонансу. Моя работа, помимо прочего, заключается в анализе едва заметных и обычно произвольных выражений человеческого лица, показывающих скрытые эмоции. Например, неконтролируемым поднятием вашей левой брови, вызванным латеральной частью лобной мышцы, контролируемой преимущественно лимбической системой, вы невербально даете мне понять, что настроены скептически.

«Вот почему...»

– Я не единственная, но я, безусловно, лучшая в своей области и часто консультирую полицию в подобных ситуациях. Только тогда я сажусь за ваш стол и смотрю на подозреваемого.

«...Так вот почему у меня такие ощущения, – подумала, глядя на видео, Ханна. – Вот почему я знала, что такое момент замирания».

– В последнее время я все больше и больше занимаюсь делом Рыбака в рамках работы земельного управления уголовной полиции.

– Можете ли вы объяснить подробнее?

– Все его знают. Он охотится только на мальчиков. На данный момент похитил четверых. Двое по неизвестным причинам были освобождены. Двое найдены мертвыми на заброшенных железнодорожных станциях. Оба умерли от отравления угарным газом. Согласно заключению судмедэксперта, они задохнулись во сне газами от угольного гриля. – Она помолчала. – Специальное подразделение «Рыбак», которое я консультирую, носит это название, потому что преступник, подобно рыбаку, поймав свою жертву, либо ее убивает, либо выбрасывает обратно, сохраняя жизнь. Поэтому иногда его называют ловащим и отпускающим убийцей.

– Какое отношение это имеет к преступлению, которое вы совершили сегодня? – спросил Матар.

– Мы вели расследование почти полтора года, ковыряясь в нем словно зубочисткой в мусорной куче. Меня вызывали для расследования в отношении более 40 подозреваемых. Мне было поручено анализировать язык их тела во время допросов, как по видеосвязи, так и очно.

– Без успеха.

– У полиции нет никаких зацепок.

– И это бремя стало для вас непосильным?

– Я не могу этого выносить. Видите ли, сотни тысяч детей ежегодно подвергаются насилию, многих убивают, похищают, сжигают, забивают до смерти. Еще больше насилуют... и тут еще этот игровой уголок.

– Какой игровой уголок?

На мгновение ее взгляд скользнул по невидимому собеседнику на видео.

– Недавно я была в отделении судебной медицины. Хотела пойти на ужин со своей лучшей подругой, Тельдой Замс, она работает ассистентом патологоанатома в отделении судебной медицины.

– И что?

– Тельда попросила меня пройти с ней в кабинет руководителя института, где со мной хотел встретиться профессор Цокос. По пути к нему, мимо прозекторских, коридор сделал поворот. И здесь была оборудована игровая зона. Она напоминала приемную педиатра: маленькие табуретки, доска, ящик с книгами, ковер, по которому вдоль разноцветных улиц можно катать игрушечные машинки. Вам знакомо это, если у вас есть дети.

«Как мне?» – подумала Ханна на гостиничной кровати.

Ханна на видео, похоже, изо всех сил пыталась сохранить самообладание.

«Дрожащий подбородок. Верный признак того, что она вот-вот разрыдается».

– Я помню, как насмешливо спросила Тельду: «Ты серьезно? Ты же не собираешься оставлять здесь своих детей, пока будешь вскрывать тела в прозекторской?»

Видео прерывалось, но звук оставался кристально чистым.

– И тут мне стало не до смеха. Потому что Тельда ответи-

ла: «Нет. Этот уголок не для наших детей».

В гостиничном номере Ханна затаила дыхание и попыталась вспомнить, что она сама, по-видимому, сказала во время этого допроса.

– Большинство считает, что судебные патологоанатомы работают только с мертвыми. Но у них много живых пациентов. Люди получают травмы, и необходимо определить, были ли они результатом несчастного случая или преступления. Кроме того, в берлинском отделении судебной медицины есть специальная организация, которая занимается исключительно насильственными преступлениями против детей. Клиника защиты от насилия.

– В Берлине-Моабите.

– Верно, – подтвердила Ханна Хербст. – Их очень много. Очень много детей, каждый день. Очень много случаев, когда неясно, ожог младенца просто несчастный случай или результат намеренно потушенной о его спину сигареты. Скула четырехлетнего ребенка действительно сломана при падении с высоты или от удара кулаком в лицо. Понимаете? Бедных детей так много, что им нужен специальный игровой уголок. Потому что им приходится ждать очереди. Потому что обычно в процедурном кабинете перед ними уже есть малыш с ушибленными пальцами ног, исхудавшим телом или глазом, пораженным кислотой.

Из уголка глаза допрашиваемой скатилась слеза. Даже сейчас Ханне захотелось плакать, хотя она не знала, потрясе-

на ли хлестким описанием своей точной видеокопии или же вся ситуация просто приближала ее к грани нервного срыва.

– Значит, этот игровой уголок что-то в вас пробудил, – отметил Матар.

– После него все изменилось, – подтвердила Ханна. – После того, как увидела этот уголок, я больше не могла жить прежней жизнью. Как говорится, однажды узнав правду, ты уже никогда не сможешь ее отрицать.

– Какую правду вы узнали?

– Все бессмысленно. Мир, в котором мы живем, плох. В нем не стоит жить. Зло всегда побеждает. Представьте, что вы организуете футбольный матч. Одна команда должна соблюдать правила. Другая может выйти на поле с ножами и топорами. Как вы думаете, кто выиграет?

Разумеется, полицейский не ответил на риторический вопрос.

– Неверно думать, что спасенный ребенок что-то меняет. Это не так. Эту войну нам не выиграть. Мы проиграли. С момента нашего рождения мы ведем проигранную битву.

Она сделала паузу, во время которой следователь задал важнейший вопрос:

– Госпожа Хербст, что вы сделали?

– Сегодня вечером?

Ханна на записи снова посмотрела прямо в объектив камеры.

– Ехала домой. После сотого по счету неудачного вопроса

подозреваемого.

– Вы были в отчаянии?

Ханна вздохнула.

– Напротив. Я составила план, потому что вдруг увидела все яснее, чем когда-либо прежде. Безысходность, которую продолжаю ощущать и сейчас, даже если мне удалось хоть что-то сделать.

– Что именно вы имеете в виду под «хоть что-то сделать»?

– Я принесла избавление от нее.

Ханна чувствовала себя так, будто свернулась на кровати калачиком, хотя даже не пошевелилась.

– Нашей семье.

Она услышала свой голос и снова закрыла глаза. Ей хотелось еще и уши заткнуть.

– Сначала я убила пятнадцатилетнюю Киру.

«Нет, пожалуйста, не надо, нет!»

– Дочь Рихарда от первого брака. Она ничего не почувствовала. Потом я пошла в спальню к мужу. Я перерезала ему горло кухонным ножом, которым заколола Киру. Агония Рихарда была громче, настолько громкой, что я боялась, как бы не проснулся Паульхен.

– Ваш сын?

«Это ложь», – подумала она.

«Я лгу. Мне приходится лгать. Иначе и быть не может...»

– Наш с Рихардом ребенок. Двенадцати лет. Я хотела избавить его от будущего в нашем непригодном для жизни ми-

ре. Чтобы он никогда не стал жертвой. И чтобы его детям и внукам никогда не пришлось ждать в детском уголке приема у коронера.

«Зачем я это делаю? – спрашивала себя Ханна. – Зачем я добровольно признаюсь в том, чего не совершала? Или...»

Эта мысль была даже хуже страха того, что мог с ней сделать Бланкенталь.

«Или, может быть, это правда? Я хладнокровная детоубийца?»

Матар призвал ее продолжить признание:

– Что именно вы сделали с Паулем?

Глава 10

– Стоп, стоп. Я не хочу этого видеть.

Слюна Ханны брызнула на экран телефона, так громко она закричала, требуя от Бланкенталя остановить видео.

– Лучше досмотрите до конца.

– Нет!

«Я этого не вынесу».

Ханна зажмурилась и подумала, что увидела в пелене забвения три маленьких огонька: Кира, Пауль, Рихард.

Три мерцающих свечи дали ей понять, что в прошлом эти имена действительно имели значение. Однако ее разум отказывался верить признанию, а значит, и собственным словам. И свет снова погас, создав еще больше затмевающего воспоминания дыма.

«Кира, Пауль, Рихард?»

В тот момент ее самой большой надеждой было то, что есть простая причина, по которой она не может вспомнить эти имена. Просто потому, что этих людей не существует. Потому что эта история – всего лишь плод больного воображения Бланкенталя. Конечно, на видео была она. Ее голос. И вероятно, ее лицо тоже.

Однако что-то было не так, хотя, что именно, точно она сказать не могла.

«Мои глаза?»

Для этого ей пришлось бы проанализировать видео, в идеале, кадр за кадром. Не подделка ли это? Если да, то почти идеальная.

Но разве в наши дни такое невозможно? Разве увиденное ею не могло быть результатом идеального компьютерного обмана? Дипфейк, кажется. Этот термин она помнила. Но она не кровожадный монстр.

«Этого не может быть».

А что, если может?

Она старалась игнорировать все, указывающее на то, что на видео она сказала правду. Среди прочего, возник вопрос: зачем разыскиваемому преступнику понадобилось столько усилий? Накачал ее снотворным, похитил, связал и подтасовал признание.

«Это не имеет смысла».

Так же мало, как признаться в несовершенном преступлении.

– Возможно, я не знаю, кто я. Но знаю, кем не являюсь, – сказала она, обращаясь скорее к себе, чем к Бланкенталю. – Я не убийца.

Столкнувшись с ужасным выбором: быть матерью, убившей свою семью, или бездетной женщиной, похищенной безумцем, она выбрала бы последнее, даже если бы это означало прожить под его властью всего несколько мучительных часов.

– Я не верю ни единому вашему слову, – повторила она.

Бланкенталь снова подошел ближе к кровати. Наклонился к ней. Так близко, что она увидела волосок, выглядывающий из его правой ноздри.

– Вы сами все слышали. И видели своими глазами. Вы – эксперт по языку тела. Посмотрите на меня. Я не смогу вас обмануть. Вы поймете, если я вам совру.

Ханне нужно было двигаться, даже несмотря на боль. Она энергично замотала головой. Впервые она поняла, что ее волосы заплели в косу в больнице, где она лежала, и теперь из-за резких движений коса раскачивалась как маятник.

«Нет, нет, нет».

Это было парадоксально. Насколько она была уверена, что действительно записала это признание, настолько же не сомневалась, что говорит правду, произнося следующие слова:

– Я чувствую. Я НЕ УБИВАЛА свою семью.

Она указала подбородком на свою рану.

– Я сама жертва!

– Да?

Бланкенталь холодно посмотрел на нее. Затем опять запустил видеозапись признания.

Глава 11

– Что именно вы сделали с Паулем? – снова спросил офицер.

Ханна услышала свой спокойный, почти равнодушный голос:

– Я вошла в его комнату. Наклонилась с ножом над его кроватью. Он лежал рядом со своей ржаво-красной гитарой, которую мы подарили ему на двенадцатый день рождения и на которой он любил играть в постели. Я молчала. Но он все равно проснулся. Маленький Пауль просто слишком чувствителен для этого мира. Такой хрупкий. Я также научила его основам мимического резонанса, понимаете? Как считать сигналы нашего тела, которые мы не можем контролировать по своему желанию. Может быть, он увидел это в моих глазах, когда открыл свои.

– Желание убить его, как и других.

– Да – намерение.

– Он сопротивлялся?

– Гитарой он выбил у меня из руки нож. Она сломалась. Я схватила струну си.

– Чтобы его задушить.

– Да.

– Но?

Вот оно.

Слово избавления. Две буквы, один слог, одна надежда.
«НО...»

– Но мне это не удалось.

«Слава богу». По щекам Ханны текли слезы. Хотя она не помнила Пауля, но чувствовала огромное облегчение от того, что не причинила ему вреда. «По крайней мере, не ему».

– Потому что вы не смогли заставить себя сделать это? – спросил Фадиль.

– Потому что меня отвлекли.

– Кто?

– В дверь позвонили соседи, потому что в моей машине все еще горел свет.

– Паулю удалось сбежать?

– Я заперла его в комнате наверху, пытаясь отделаться от соседки внизу. Она увидела на моих руках кровь и хотела вызвать скорую.

– И что дальше?

– Я не могла этого допустить. Я захлопнула входную дверь и побежала наверх. Но Пауль...

– Да?

– Он исчез. Вылез в окно на крышу. Оттуда спрыгнул в сад. И скрылся в ночи.

Ханна не могла не задаться вопросом, насколько на улице холодно. И вообще, какое сейчас время года? Что, если сейчас зима, и бедному мальчику пришлось бродить в пижаме на морозе?

«Могу ли я все еще быть ответственной за его смерть?»

Тем временем следователь на видеозаписи признания хотел узнать, что еще произошло.

– Я была в отчаянии. В панике. Я пыталась покончить с собой, но, как видите, неудачно.

– Вы хотели себя заколоть?

– Да, ножом.

– Зачем так радикально?

– Вы имеете в виду, почему я не перерезала себе вены, а вместо этого попыталась сделать харакири?

Женщина на видео продемонстрировала явные признаки ненависти к себе.

– Я все равно планировала покончить жизнь самоубийством. Теперь мне хотелось еще сильнее наказать себя за неумелость. За то, что не выполнила задание и не спасла Пауля. Я ударила себя ножом в живот. Но недостаточно глубоко. Мне сказали, что, вероятно, нож задел только селезенку. Когда я пришла в себя, в доме была полиция и меня арестовали. Рану поверхностно обработали, однако возникли осложнения. Поэтому я надеюсь, что скоро мне сделают операцию.

– Надеетесь? Разве вам не следовало бы скорее сожалеть о том, что ваша жизнь продлится, когда вы сами хотели ее оборвать?

Ханна увидела, как признавшая свою вину энергично кивнула.

– Да. Час назад я была в ярости. Но сейчас, когда мы разговариваем, почему-то вижу знак в том, что моя попытка самоубийства не удалась.

– Знак чего?

– Я еще не закончила. Моя миссия не выполнена.

– И под миссией вы имеете в виду?..

– Пауля. Мне еще предстоит его избавить.

В настоящем Ханна чувствовала себя неспособной двигаться. Как будто эмоциональная перегрузка сработала эмоциональным выключателем. Ей потребовалось время, чтобы прийти в себя, сориентироваться и понять шокирующий смысл слов, в которые она все еще не хотела верить. Не могла поверить.

«Я только что объявила миру, что хочу убить своего единственного выжившего ребенка?»

Ханна заметила, что ей становится все труднее смотреть на видео и, возможно, на себя.

– Ну, в ближайшие десятилетия вам, вероятно, не представится другого шанса сделать это, – заметил Фадиль. – Не говоря уже о том, что вы не знаете, где сейчас прячется Пауль, госпожа Хербст.

Ханна увидела, как в кадре она уверенно подняла подбородок.

– Если его не можете найти вы, это не значит, что я не знаю, где он прячется.

– Где? – задал последний и единственный уместный во-

прос Фадиль Матар. – Где Пауль?

– Я вряд ли вам это скажу.

Глава 12

Запись закончилась, хотя Бланкенталь все еще держал телефон перед глазами. Согласно зеленому таймкоду в левом нижнем углу экрана, прошло девять минут и тридцать четыре секунды.

Меньше десяти минут. И этого хватило, чтобы разрушить волю Ханны к жизни в настоящий момент.

«Я не хочу так существовать. Не осознавая, что, как я утверждаю, сделала. Хуже того: что я все еще хочу сделать!»

– Нет.

Одно-единственное слово. Единственное, что она еще могла произнести. И даже этот слог дался ей с трудом.

Она попробовала еще раз:

– Это ложь.

– Это ваши собственные слова. Отрывки из признания крутят в каждом втором выпуске новостей. Полное видео уже набрало четыре миллиона просмотров в Сети.

Возможно ли это?

«Я мать? У меня есть дети? Разве Бланкенталь только что не прочитал что-то о кесаревом сечении?»

Она задавалась вопросом, сможет ли поднять ночную рубашку достаточно высоко, чтобы увидеть шрам.

Которым, возможно, она была обязана своему сыну. Паулю.

«Двенадцатилетнему подростку, которого я не знаю, но хочу убить. Согласно собственному заявлению...»

В ощущении, похожем на слуховое воспоминание, она услышала, как какой-то мальчик весело хихикнул. А сейчас еще прядь волос прилипла к виску и щеке, неприятно щекоча. Пытаясь стряхнуть и то, и другое, она тщетно мотала головой. Затем сосредоточилась на взгляде Бланкенталья, на который ей хотелось ответить так же, как он смотрел на нее.

Урок первый: искренность. Поддерживайте зрительный контакт.

– Чего вы от меня хотите? – спросила она. – Вы сами в бегах. Какое вам дело до того, что я якобы сделала?

– Я люблю детей. Я ненавижу людей, которые их обижают.

– Я тоже! – поклялась ему Ханна, но Бланкенталь, казалось, вообще пропустил ее слова мимо ушей.

– Вы сами сказали, что мы живем в мире, в котором жить не стоит, где тот, кто следует правилам, всегда проигрывает, – пробормотал он. – Что ж, мне терять нечего. Мне нет нужды следовать каким-либо правилам.

Бланкенталь поднял сумку, содержимое которой угрожающе звякнуло, когда он впервые энергично ее встряхнул.

– Вы сказали, что знаете, где скрывается Пауль. А у меня есть и другие методы, помимо тех, что разрешены в конституционном государстве, чтобы развязать вам язык.

Глава 13

Какая-то часть лихорадочно работающего разума Ханны даже считала, что ее оковы – это благословение. Они не позволяли ей с криком соскочить с кровати и бежать из номера, а через несколько сотен метров осознать, что она ни на миллиметр не отделилась от ужаса. Потому что сейчас она до смерти боялась не только Бланкенталя. Но и саму себя.

Тем не менее, как только похититель оставил ее одну, она попыталась освободить запястья от туго затянутых на них кабельных стяжек.

Ханна (в спальне):

В ушах у Ханны все еще раздавались угрожающие слова Бланкенталя: «Я сейчас вернусь!», когда ее похититель исчез в ванной. Теперь она услышала его кашель.

Бланкенталь (в ванной):

Он закашлялся. Горло наполнила слизь, которую он с отвращением сплюнул в раковину. Ванная была еще уродливее спальни, а это имело значение. Для такого человека, как он, ценившего все современное и удобное, зеленая сантехника 1980-х годов и коврик цвета охры перед унитазом были уже перебором.

Ханна:

Безумец забрал спортивную сумку с ее угрожающе позвякивающим содержимым.

Бланкенталь:

Он положил сумку под раковину. В конце концов, пол был чистым, если не считать кровавого следа, который тянулся по пятнистой плитке за угол L-образной комнаты к душевой кабине. Обычно он убирал беспорядок сразу, но с этим пришлось повременить. Тем более он пока не знал, сколько еще телесных выделений ему придется убирать в комнате.

Ханна:

Оставь похититель сумку рядом с кроватью, Ханне удалось бы босыми ногами нащупать в ней предметы, припасенные сумасшедшим «хирургом» для ее пыток.

Бланкенталь:

Он открыл парусиновую сумку и удовлетворенно хмыкнул: помимо сменной одежды и туго набитого кошелька, там были еще кабельные стяжки, нож для резки ковров, краска для волос и электрошокер. Тот сегодня уже ему пригодился. Все было так, как он заказывал.

Ханна:

Хотя она и не представляла, как бы она смогла, держа пальцами ног скальпель, а того пуще ножницы, перерезать пластиковые стяжки. Сейчас об этом даже думать бессмысленно.

Бланкенталь:

Он достал из сумки сменное белье, но, чтобы одеться, ему пришлось зайти в ванную.

Ханна:

В спальне у Ханны не было ничего, что можно было бы превратить в инструмент или оружие. Даже прикроватная лампа была плотно прикручена, а крошечная лампочка внутри ее прочно вставлена в патрон и надежно прикрыта плафоном. Никакого шанса ее разбить. Ханна повернула голову и посмотрела вверх, на стальную трубу у изголовья кровати, к которой она была прикована. Конечно, она сделала самое глупое, что могла. Она изо всех сил снова ее потрясла.

Бланкенталь:

А пока он стоя справлял в туалете нужду и замер, потому что ему показалось, что будто раздался стон. «А если даже...» Нет, Ханна хорошо связана.

Ханна:

Добилась она только того, что места, где пластик врезался в кожу, заболели почти так же невыносимо, как и ножевая рана в боку. Труба держалась прочно, как скала.

Бланкенталь:

Соседние комнаты, в чем он удостоверился, были пусты. Шуметь она могла сколько угодно. «И все же...»

Ханна:

Тем не менее она ощутила что-то, что на мгновение отодвинуло боль на второй план.

Труба не сдвинулась ни на дюйм. Зато сдвинулось само изголовье кровати! «Возможно ли это?» Она проверила свои подозрения, перестав тянуть руки вниз, вместо этого, толкая, стала двигать в сторону.

Бланкенталь:

Оглушительно сработал смыв.

Ханна:

Услышав шум смыва в туалете, Ханна схватила стальную трубу, словно штангу на жиме лежа, и попыталась ее поднять.

Бланкенталь:

Он открыл кран, чтобы помыть руки. Тщательно, словно перед операцией, тер между пальцами, большие пальцы, ладони и предплечья.

Ханна:

«О боже, да, да, да. Это правда. Я не ошиблась». Очевидно, изголовье лишь вставлено в основание кровати, а не привинчено к стене. Потому что оно двигалось. Пусть даже смещалось всего на несколько сантиметров и снова возвращалось на место, как только она перестала давить на перекладину.

Бланкенталь:

Он напевал. После долгого пребывания за решеткой, наконец, снова почувствовал жажду действия.

Ханна:

Она услышала шум воды. «Ладно, попробуй еще раз». Другой план. Глубоко вздохнула и подтянула обе ноги. Когда волна боли, ожидаемо поднывавшая из области диафрагмы, немного утихла, она подвергла свое израненное тело следующему испытанию на прочность. Упершись в прогибающийся-

ся матрас пятками, она попыталась отталкиваться коленями. Сантиметр за сантиметром.

Бланкенталь:

«Что там опять?»

Ханна:

Одновременно она прижалась спиной к изголовью кровати, которое, по сути, поднималось вместе с ее телом. Мало-помалу. Раздался скрип, скрежет металла о металл...

Бланкенталь:

Он услышал какой-то скрип и скрежет и выключил кран. Тишина.

Ханна:

Она преодолевала последнее сопротивление, пока не произошло то, во что ей самой сначала едва поверилось. Она приподнялась. На кровати. Изголовье висело у нее на руках, опасно ее раскачивая.

Бланкенталь:

«Что-то не так». Он надел нижнее белье.

Ханна:

Но, очевидно, так же как и общие удобства отеля, изголовье было не лучшего качества и оказалось неожиданно легким. Как толстый пенопласт.

Бланкенталь:

Он натянул спортивные штаны, майку и высокие до щиколоток ботинки. В спальне снова стало тихо. «Слишком тихо».

Ханна:

Ей удалось, не упав, подняться с кровати. В этот момент дверь ванной открылась, и...

Глава 14

Ханна

В спальню ворвался Бланкенталь.

– Что за?..

– Аа...

Ослепленная яростью и болью, Ханна резко развернулась и ударила Хирурга спинкой кровати. Бланкенталь, не растерявшись, вытянул обе руки и, видимо, рефлексивно, ухватился за края доски, резко остановив Ханну.

– Нееееет! – закричала она, думая, что ее атака провалилась, но реакция Бланкенталья невольно увеличила ее шансы на спасение.

Ухватившись за изголовье кровати, он создал огромную силу противодействия. Ханна почувствовала, будто ее тормозят, отчего сильно дернулась вперед. В результате простые стяжки порвались как самое слабое звено.

«Я свободна. Я могу двигать руками!»

Лишившись противовеса, Бланкенталь тоже зашатался и упал на пол, где его накрыло легкое, но громоздкое изголовье кровати.

Тем временем Ханна бросилась в противоположном на-

правления через открытую дверь ванной.

«Я свободна!!!» – подумала она с восторгом. И на этом полоса ее везения не закончилась. Рукав ее ночной рубашки зацепился за ручку распахнутой Бланкенталем наружу двери ванной. В результате Ханна, падая, автоматически захлопнула дверь.

– Сука! – услышала она у себя за спиной его крик, а потом звук, как будто он пинал, разбивая вдребезги, картонные коробки. Наверное, он топтался по фанерному изголовью кровати, чтобы до нее добраться.

«...Выломать дверь ванной. Затащить ее обратно на кровать...»

Ханна в панике подползла к двери, видя, как поворачивается ручка, и в последнюю секунду сумела задвинуть засов и запереть Бланкенталья снаружи.

– Открывай! – кричал ее похититель, стуча в дверь кулаками, что заглушало его голос.

«Ни за что».

Голос Бланкенталья становился громче, к ударам добавились пинки. Дверь, лишь немногим прочнее изголовья кровати, опасно содрогалась в раме.

Ханна откинулась на бежевый блестящий кафель и увидела на полу кровь.

С огромным трудом ей удалось встать. От нее пахло потом и кровью, которая сочилась сквозь повязку на ее ночную рубашку. На полу перед ней также была кровь.

«Боже мой, неужели я уже потеряла так много крови?» Застонав, она огляделась. Чем можно укрепить дверь? Сначала ее взгляд упал на открытую спортивную сумку, содержимое которой она вывалила на пол. Майки, носки, нож для резки ковров и пачка кабельных стяжек упали на футболку и присоединились к остальному содержимому, которое Бланкенталь, должно быть, каким-то образом раздобыл во время своего бегства: крем для бритья, бритва, баллончик с дезодорантом, пластырь и электрошокер.

Устройство лежало у нее в руке, словно скребок для льда, и угрожающе трещало, когда Ханна нажимала кнопку.

«Как шершень, первым вылетающий из гнезда и возглавляющий рой».

От неожиданности она едва не выронила электрошокер, когда снаружи раздался оглушительный удар. Скорее всего, Бланкенталь бросился на дверь, и поразительно, насколько она оказалась прочной, выдержав натиск.

«Хорошо, я вооружена».

Отвернувшись от двери, Ханна, спотыкаясь, побрела дальше в потайной угол ванной комнаты. Направо за унитазом, расположенным у внешней стены без окон, был душ. Ханна заглянула за угол, надеясь найти что-либо подходящее, чтобы заблокировать вход.

И тут она увидела кровоточащее нечто.

Глава 15

На мгновение ей показалось, что она смотрит в зеркало (как ни странно, одна мысль об этом заставила ее содрогнуться), но она быстро сообразила, что в ваннных комнатах дешевых отелей в этом месте зеркал никогда не устанавливают. На уровне колен, в бесполезном зазоре между душевой кабиной и внешней стеной. «Нет!»

Увиденное не было ее отражением.

Хотя она чувствовала себя так же скверно, как, похоже, и женщина с окровавленным лицом, неподвижно сидевшая на корточках на кафельном полу. Привязанная к ребрам радиатора кабельными стяжками, такими же, как те, от которых Ханна освободилась.

«О боже, еще одна заложница?»

– Эй, привет! Ты меня слышишь?

Никакой реакции. Снаружи ванной тоже стало угрожающе тихо.

«Затишье перед бурей?»

Ханна опустила на колени и пощупала пульс у потерявшей сознание женщины, которая, возможно, вовсе и не была без сознания. Потому что пальцы, которыми она нажимала на сонную артерию женщины не чувствовали сопротивления. Женщина, возможно, была ее ровесницей, и волосы у нее были черные и короткие.

«И я не вижу никаких признаков жизни».

Ни движения зрачков под закрытыми веками. Ни дрожания губ.

«Она мертва?»

Ханна ощутила приятный, свежий аромат, резко контрастировавший с безжизненным телом женщины. На ней были ботинки до середины голени на шнуровке, узкие джинсы и забрызганная кровью белая блузка под полурасстегнутой синей стеганой курткой на молнии.

«Это твоя комната?»

Да, конечно. Бланкенталь вряд ли мог зарегистрироваться сам. Все указывало на то, что он сюда проник и одолел женщину.

Она пощупала пульс, но также ничего не почувствовала.

Решив проверить, не была ли кровь на блузке из раны на груди, она расстегнула куртку и лихорадочно ее сорвала. Что-то выпало из бокового кармана на кафедру пола, и искаженному страхом воображению Ханны сначала представился черный пузатый таракан, но на самом деле это был ключ от машины.

Ханна инстинктивно потянулась к пульту дистанционного управления и нажала кнопку, как будто это могло открыть дверь машины для побега.

Затем она задумалась о том, как освободить от стяжек женщину, в лучшем случае получившую серьезные травмы, и уложить ее плашмя на пол, чтобы попытаться сделать ей

искусственное дыхание рот в рот или массаж сердца.

«Нож для ковров!» – вспомнила она.

Она потащилась мимо унитаза... обратно к спортивной сумке, но...

«Погоди!»

Замерев, она остановилась. При всем желании не могла оторвать глаз от устройства рядом с унитазом.

«Телефон?»

Глава 16

Отель, по всей видимости, был построен в 1980-х годах, о чем свидетельствовала лягушачье-зеленого цвета раковина и такой же унитаз. Сейчас люди общаются только по мобильному телефону, а в то время считалось модным иметь рядом с туалетом стационарный телефон.

Ханна вытащила трубку проводного телефона из розового пластикового корпуса и приложила ее к уху.

Раздался гудок.

«Невероятно».

В ту же секунду снаружи снова раздался удар. Бланкенталь снова бросился на дверь. Еще сильнее. Еще безжалостнее. Петли в раме уже погнулись. Когда он их полностью вырвет, было лишь вопросом времени.

«Скоро снова меня схватит, а потом убьет, как ту женщину у душа», – подумала Ханна, не осознавая, что набирает номер. Поэтому она вскрикнула от ужаса, когда во время короткого перерыва между ударами Бланкенталья в дверь вдруг услышала голос из старинного стационарного телефона:

– Алло? С кем я говорю?

– Помогите, я, я... пожалуйста...

– Ханна, это ты?

Глава 17

Если раньше она, словно в трансе, гадала, почему ее подсознание набрало незнакомый номер, теперь она спрашивала себя, откуда ей знаком этот голос.

– Я Ханна Хербст, да...

«По крайней мере, мне так кажется...»

– Мне... мне... нужна помощь...

– Где ты, черт возьми?

– В отеле. Не знаю, я...

– Ханна, у меня не отражается номер. Откуда ты звонишь?

Это было последнее, что она услышала с того конца провода. Все остальное потонуло в грохоте, с которым Бланкенталь буквально влетел в ванную.

Сначала он ногой пробил нижнюю часть дверного полотна из древесно-стружечной плиты.

«Отсюда и пауза. Он надевал ботинки».

Затем он просунул в пробитую щель руку и отодвинул засов. Вероятно, при этом поранил предплечье, поэтому рука, которой он вырвал у нее телефон, была вся в крови.

КАК? ВЫ? СМЕЕТЕ?

Выкрикивая каждое новое слово, он топтал телефон, пока тот не разлетелся на множество осколков.

Затем он наклонился к разбросанным на полу вещам и схватил нож для резки ковров.

– Вам от меня не сбежать, – сказал он, и его голос прозвучал чуть спокойнее, отчего показался Ханне страшнее.

Она опустилась на колени на кафель пола, посмотрела на мертвую женщину. Увидела, как сильная рука Бланкенталья сжала рукоять ножа. Резко вскочила. Услышала собственный крик: «Ты, больной убийца!» – и выпустила из улья шершня.

Но она была слишком взбудоражена. Больше всего ей хотелось прижать электрошокер к груди Бланкенталья, прямо к сердцу. Но тот попал лишь в бедро, до которого легче всего было дотянуться. Когда Хирург выронил нож и рухнул на пол, единственное, чего ей хотелось, – это сбежать. Ни секунды больше не находиться в пределах досягаемости этого безумного убийцы, бьющегося в конвульсиях на полу рядом с мертвой женщиной.

Она поспешно перешагнула тело своего похитителя и, пошатываясь, прошла через спальню. Она трясла закрытую дверь, думая, что в плену, пока не поняла, что та заперта изнутри. В панике, не приняв никаких мер предосторожности, она выбежала на улицу. Вперед, только бы убраться из этой комнаты!

«Свобода! Я вырвалась!»

Она жадно вдохнула влажный воздух и закашлялась, поперхнувшись своим дыханием.

Она попыталась быстро оценить обстановку. Небо над ней напоминало бетонную стену, грязную от выхлопных газов, и

шел дождь, как это часто бывает в Берлине.

«Если я вообще еще в Берлине».

Потому что окруженный густым лесом мотель, в котором она, по-видимому, находилась, напоминал место съемок американского фильма «Шоссе». Двухэтажное в форме подковы здание с плоской крышей...

Парковочные места располагались прямо перед номерами. На не менее чем двадцатиметровой высоте столбе красовалась мерцающая неоновая вывеска с надписью «Quality Inn, от 49 евро за ночь, включая НДС плюс платное телевидение», пытавшаяся привлечь гостей с близлежащего шоссе, шум машин с которого заглушал гул собственной крови в ушах Ханны.

Ханна, стоя на галерее перед комнатами первого этажа, перегнулась через балюстраду.

Справа внизу, в самом дальнем углу подковообразного здания, по-видимому, находилась стойка регистрации. Это была единственная освещенная комната в этом, казалось, почти безлюдном комплексе. На парковке мотеля стояли всего три машины и мотоцикл, хотя вместить она могла раз в десять больше гостей.

«Мне дать о себе знать? Попросить о помощи на стойке регистрации?»

Казалось, таков должен быть следующий шаг, чтобы покончить с кошмаром Бланкенталя.

Но что, если она и в самом деле разыскиваемая убийца?

Тогда это был верный шаг к тюрьме.

«Значит, бежать?»

Она нерешительно переминалась с ноги на ногу, еще и потому, что ее конечности медленно коченели от холода, от которого не спасала ночная рубашка.

Она предпочла бы ехать из этого ужасного места куда глаза глядят на одной из стоявших внизу машин.

Пока хватит бензина. Или, еще лучше, пока к ней не вернутся воспоминания.

Но как ей открыть и завести универсал, малолитражку или внедорожник?

В правой руке она еще сжимала электрошокер, но им зажигание не закоротить.

Только...

«Минутку!»

Ее рука потянулась к карману ночной рубашки. Пальцы погладили выпуклый предмет.

«О боже! Таракан!»

То, что в ванной ее напуганному до смерти мозгу сначала показалось паразитом, на самом деле было... ключом от машины.

Босая и раненая, она побежала насколько хватало сил к лестнице, вытаскивая пульт дистанционного управления, который, должно быть, сунула в карман машинально.

Равно как, не задумываясь, набрала номер мужчины, которого знала, но не помнила.

Ханна протянула руку в сторону парковки и нажала центральную кнопку на ключе.

Бип-бип.

Замигали фары маленькой машины, давая ей понять: «Я здесь. Твоя машина для побега!»

И вот она уже открыла дверь и плюхнулась на сиденье, отрегулированное под человека ниже ее ростом.

«Под бедняжку, лежащую мертвой в ванной мотеля».

Неужели Бланкенталь вдобавок ее ограбил?

Это был самый очевидный вариант. Ему требовались деньги на расходные материалы, которые он, скорее всего, купил в хозяйственном магазине или на заправке.

«Пока я без сознания лежала, связанная, на кровати в гостиничном номере, снятом женщиной, которой уже нет в живых».

Ханна решила при первой возможности сообщить об убитой в полицию, поскольку медицинскую помощь в любом случае оказывать уже слишком поздно.

Ладонями Ханна похлопала по голым ледяным ступням, страхивая с них налипшую грязь и гравий, и резко нажала на педаль тормоза. Потом на кнопку запуска рядом с автоматической коробкой передач. Даже без ключа в замке зажигания двигатель завелся.

Часы на приборной панели показали 19:45.

Она дала задний ход, вывернула руль и поехала к выезду в сторону леса. Ее взгляд упал на зеркало заднего вида, на-

клоненное так сильно, что она увидела свое лицо. Испугавшись, резко затормозила и поправила зеркало.

«Это я. Это и вправду я».

Долго она смотреть на себя не могла. Но все же смотрела достаточно, чтобы понять, что женщина в зеркале была точно такой же, как та, что на видео с признанием. Длинная тонкая шея, темные, возможно до лопаток, заплетенные в косу волосы и ярко-голубые глаза.

Она снова нажала на газ. По предплечьям все еще бегали мурашки. Сильно колотилось сердце.

«Что теперь? Куда мне ехать? Где я окажусь?»

Она задумалась. А включив правый поворотник, следуя указателю «Боргсдорф, А10 и В96», услышала голос. Внутренний голос. Это был ее собственный голос. Очевидно, она способна запоминать новое, даже если старые воспоминания уже не вернутся.

И одно из этих новых воспоминаний было связано с ее медицинской картой, которую ей недавно прочитал Бланкенталь:

«История болезни Ханны Хербст, сорока лет, адрес: Эггсторффштрассе, 119, 12307, Берлин».

Несколько секунд спустя раздался другой голос. Голос навигационной системы, которую Ханна в тот момент программировала.

И если в тех возмутительных вещах, которые она слышала о себе в номере мотеля, была хоть капля правды, то при-

мерно через пятьдесят одну минуту езды она окажется сразу в двух местах. У себя дома. И на месте отвратительного преступления.

Глава 18

«Буржуазный».

Первое слово, пришедшее ей в голову, когда она проезжала мимо дома номер 119. Односемейный дом в ряду других односемейных домов. Отнюдь не дешевый, здание новое, дизайн довольно современный: антрацитовые оконные рамы, белая штукатурка и пологая двускатная крыша. Однако не такой дорогой и стильный, как почтенные виллы в Лихтерфельде-Вест, которые она видела по обе стороны Дракештрассе по пути.

«Я здесь живу?»

Нет. «Я здесь жила?» – Вопрос в ее голове был переформулирован настолько быстро и спонтанно, как будто включилась программа мгновенной автокоррекции мыслей.

Новое здание заметно выделялось на фоне соседних домов, производивших впечатление старых и нуждавшихся в ремонте. Но излучало ли оно особую ауру семейного дома, которую каждый член семьи ощущал, едва войдя во двор?

«Это мой дом?»

Ханна не могла этого ни опровергнуть, ни подтвердить, хотя и вынуждена была признать, что местность, куда ее привела почти часовая поездка от северной городской окраины до почти самой южной точки Берлина, показалась ей знакомой.

Она остановилась примерно в ста метрах от места, где дорога расширялась и переходила в парковку перед лесной зоной.

В зеркало заднего вида она смогла рассмотреть дом номер 119, насколько возможно с такого расстояния, поскольку за окнами кубического здания с плоской крышей царила полная темнота. Фасад слабо освещал лишь уличный фонарь.

«Заброшенный. Пустой».

И все же ее не покидало чувство, будто она уже была здесь раньше.

Но что это значило?

Ханна несколько раз ловила подобные мысли по дороге сюда. Она могла бы даже назвать несколько берлинских достопримечательностей, например, радиовышку и похожий на космический корабль Международный конгресс-центр, который проезжала незадолго до озера Халензе. Но при этом никаких конкретных воспоминаний.

Диктор в автомобильном радио, намереваясь сообщить новости последнего часа из Берлина и Бранденбурга, начал сюжет с описания беглецов Ханны Хербст и Лутца Бланкенталя.

Ханна тут же выключила канал.

«Из страха. Перед собой».

Она опустила боковое стекло и заглушила двигатель. Вечерний воздух охладил ее вспотевший лоб, ставший постоянным индикатором реакции «бей или беги» на боль, рас-

пространившуюся из живота, превращаясь в настоящий пожар.

«Если я сейчас закрою глаза, то усну от усталости». Ханна открыла водительскую дверь, выключив предварительно свет в салоне, чтобы не увидели любопытные соседи. Она вытянула из машины левую ногу, чтобы устроиться удобнее, и впервые принялась осматривать рану.

Для этого она подняла ночную рубашку, обнажив повязку, которая в свете уличного фонаря выглядела грязной тряпкой. Осторожно ослабила зажим, которым фиксировалась повязка, приподняла ее, дыхание у нее перехватило, пока она отрывала от кожи ржаво-красный, давно уже не мягкий ватный тампон. Под ним обнаружился шрам, некогда, несомненно, профессионально скрепленный скобами, но теперь выглядевший как первая работа стажера.

Ханна видела, как ее плоть вздымается волнами, и, конечно же, кровь струйками заполняет кратеры между соприкасающимися краями кожи.

«И эту рану я, по-вашему, нанесла себе сама? От отчаяния из-за невыносимого мира, в котором я убила свою семью?»

О том, что у нее был по крайней мере один ребенок, свидетельствовал еще один, давно заживший шрам от кесарева сечения, прямо над поясом ее трусиков.

«Пауль?»

Все это казалось бессмысленным. По статистике, женщины, как правило, предпочитали более «мягкие» способы са-

моубийства, и Ханна чувствовала, что не была исключением. Скорее она бы подумала о таблетках. Одна лишь мысль о том, чтобы перерезать себе вены в ванне, заставляла ее содрогнуться. А тут еще и харакири?

«Никогда».

Она открыла центральную консоль, которая также служила подлокотником, и нашла пачку салфеток, которые тут же прижала к шву, прежде чем снова наложить повязку. Затем отпила глоток из бутылки кока-колы, которую владелица машины, должно быть, недавно поставила в подстаканник, не подозревая, что в этой жизни ее не доведется выпить.

Ханна подождала, пока боль утихнет, завела двигатель и поехала дальше. Она обогнула квартал, намереваясь проехать мимо дома (своего дома?) еще раз. Просто чтобы убедиться, что не упустила из виду полицейского или патрульную машину, охранявшую место преступления.

«Если это действительно так».

Когда она свернула на параллельную улицу, ей в голову пришла другая идея, и она остановилась.

«Верно. Это может сработать».

Судя по навигационному экрану, она была в нужном месте.

Ханна вышла из машины, сдерживая кашель, чтобы не разошлись швы. Затем она ступила на гравийную подъездную дорожку к великолепному особняку. Мелкие камушки неприятно впивались в босые ноги, словно кубики лего.

Вдоль дорожки стояли уличные фонари высотой по щиколотку, но, к ее облегчению, датчиков движения на них, похоже, не было. Она прошла по дорожке в темноте практически без помех, сначала мимо дома, затем мимо отдельно стоящего бунгало в глубине, через лужайку заднего сада к кривому забору высотой по пояс, который – если не соврал навигатор – ограждал участок по адресу Эгесторффштрассе, 119.

Ханна была уверена, что до травмы забор не стал бы для нее серьезным препятствием, и она, вероятно, даже перепрыгнула бы через него. Теперь же ей пришлось остановиться и держаться за шипы, прежде чем решиться медленно перелезть через забор, переставляя ноги.

Она на мгновение замерла, прислушиваясь к себе, пытаясь понять, чувствует ли что-нибудь. Что-то подсказывало ей, что она в саду дома, где, по ее собственному признанию, предположительно, жила и убивала.

Но ничего не произошло. После гравия и жесткой травы коротко подстриженный газон приятно щекотал ступни. Сад, как она могла судить в свете, падающем с соседнего участка, был гораздо ухоженнее того, через который она только что пробиралась. Чистые линии, коротко подстриженная трава, прочные ящики для мебельных подушек в стиле гостиной на мощеной террасе.

Ханна обошла – и это вызвало у нее укол боли – батут, врезанный в газон.

«Для детских игр?»

«Трампитом», – промелькнуло у нее в голове. Может, это воспоминание? О милом, детском названии спортивного инвентаря, которое она так часто слышала от своих детей, что оно стало частью ее взрослого лексикона?

Пока ее путь завершился у впечатляющего зимнего сада, фасад которого, казалось, состоял из одной раздвижной стеклянной двери.

«А теперь?»

Она понятия не имела, как без взлома проникнуть в место, где надеялась найти свои воспоминания.

Или боялась.

Она знала, под каким камнем, выступом, ведром или другим тайником может быть спрятан запасной ключ.

«Это хороший знак, – с надеждой подумала она. – Может, я не помню, потому что здесь нечего помнить».

Ханна пошла направо, где к оранжерее примыкала одноэтажная кирпичная пристройка.

И застонала от ужаса.

Она чуть не закричала, увидев эти сверкающие глаза.

Глава 19

Прикосновение было столь же неожиданным, сколь и нежным, и, возможно, именно эта нежность так ее напугала. Она уже почти привыкла к твердым колющим камням и веткам, царапающим ее замерзшие икры. Но не к мягкой кошачьей шерсти.

– Господи, – выдохнула она. – Кто ты?

Наклонилась к животному, и оно прижалось к ней.

– Мы знакомы?

«Разумеется». Серая в полоску, уже немолодая на вид кошка выгнула спину и громко замурлыкала, почти заползая ей под ночную рубашку. Ее шерсть была холодной и липкой, очевидно, она долго пробыла на улице. Когда Ханна нежно почесала ей голову за ушами, мурлыканье сменилось нежным мяуканьем.

Приветствие узнавания?

– Это наш дом? – Ханна услышала, как разговаривает с кошкой, словно старушка, которая не общается ни с кем, кроме своих животных. – Хочешь войти?

Она указала на дом, затем на пристройку рядом с зимним садом. Предположительно гараж. Ханна направилась к небольшой боковой двери, изо всех сил стараясь не споткнуться, потому что кошка не отходила от нее и все время бегала у нее между ног.

Как бы ей ни нравилось это прикосновение, она боялась того, что будет означать такое ее признание со стороны животного.

«Это мой дом. Здесь я жила. Любила».

– Убила?

Об этом свидетельствовала синяя лента между рамой и дверью в сад. Начальник полиции Берлина вынес по этому поводу предупреждение: «Всякий, кто повредит, снимет или испортит эту печать, а также изменит до неузнаваемости ее внешний вид, подлежит уголовному преследованию в соответствии со статьей 136 Уголовного кодекса Германии».

Сломанная печать.

«Похоже, это наименьшая из моих проблем на данный момент», – подумала Ханна.

Над дверью, перед которой она сейчас стояла, висела камера. Потом она заметила на дверной раме панель ввода. Цифровая клавиатура, которая, по-видимому, открывала дверь, – еще один знак отличия этого нового здания от соседних. Оно было не только более современным и ухоженным, но и явно оснащенным высокотехнологичной системой безопасности.

«Я работала в полиции. Была ли я человеком, подвергающимся опасности? Требовалась ли мне особая защита?»

– Итак, какой код? – спросила она продолжавшего ластиться у ее ног кота. Ни мерное мурлыканье, ни звон электронного кодового замка не вызвали никаких всплесков у

нее в сознании. Ничто не загло даже искру в тумане забвения. Тем не менее Ханна протянула правую руку и приложила пальцы к полю ввода.

«Может быть, у меня снова получится? Может быть, я смогу ввести код интуитивно, так же, как в туалете мотеля неосознанно набрала номер, который, кажется, хорошо знала».

Она вслепую наугад набрала четыре цифры.

Ничего.

Ни жужжания, ни щелчка, дверь осталась закрытой.

«Слава богу! Я не знаю, как сюда войти. Я никогда здесь раньше не была. Я не Ханна Хербст, – пыталась она успокоить себя, словно повторяла мантру. – Кот у моих ног просто очень дружелюбный. Ничего больше».

Она открыла глаза и тут же пожалела об этом. Ее внимание привлек крошечный квадратик на панели управления: метка размером с почтовую марку под клавишей ввода.

«Не дай этому сработать. Пожалуйста, пожалуйста, не дай этому сработать». Ханна осторожно приложила большой палец к сканеру отпечатков пальцев.

Щелчок.

Глава 20

Печать с тихим треском разломилась. Первым проскользнул в дверную щель и скрылся в темноте кот. За ним нерешительно последовала Ханна.

Переступив порог, она ожидала, что воспоминания нахлынут на нее, буквально погребя под собой, словно книги с рухнувшей полки. Но когда она вошла в гараж через садовую дверь, ничего не произошло, за исключением того, что через несколько метров автоматически включился свет. Над плинтусом загорелся тусклый желтоватый ночник.

Ханна учуяла запах цитрусового чистящего средства и дизельного топлива, который сочетался с безупречно вымытым полом и припаркованными там машинами: черным внедорожником и старым двухместным кабриолетом. Не повседневный запах, непривычное зрелище. И все же ничего такого, что могло бы пробудить у нее воспоминания.

Ханна открыла дверь, соединяющую гараж с домом. Только приятное тепло внутри заставило ее осознать, насколько холодно было на улице, в саду.

За кухонной дверью ее ждала просторная полуоткрытая кладовая, переходящая в кухню. Там хранились продукты и припасы, которые можно было принести прямо из машины, поскольку кладовая располагалась недалеко от гаража. При виде множества упаковок сухих завтраков Ханна почувство-

вала острую боль в сердце.

Она увидела перед собой полки. На одной из них лежали сладости, например, шоколад «Kinder», «Capri-Sun» и небольшая коробочка с леденцами, – все это, конечно, могли есть и взрослые сладкоежки. Но кулинарные книги Микки-Мауса? И стеклянная консервная банка, приспособленная под хранилище пластмассовых фигурок динозавров? «Все это признаки того, что здесь живет семья».

Нет, программа автокоррекции снова стерла одну из ее мыслей.

Здесь «жила семья».

Ханна обошла стеллаж и вошла на кухню, ногой опрокинув миску. Внезапно она обнаружила, что стоит в луже. Она посмотрела вниз. И на миске с водой, которую она опрокинула, и на миске с едой рядом с ней было написано «Каспар».

«Значит, кот».

Ее взгляд упал на магнитную полосу над кухонной столешницей рядом с плитой, на которой висели чрезвычайно острые на вид ножи, расположенные в порядке возрастания слева направо. Третий с конца отсутствовал.

Ханна поняла, что невольно коснулась повязки, только когда застонала от боли.

«Ладно, не будем больше терять времени».

С одной стороны, ей хотелось увидеть своими глазами, что произошло в этом доме. С другой стороны, она ничего не боялась так сильно, как подняться на второй этаж. Благодар-

ная за возможность сначала покормить кота, она вернулась в кладовую. Ее взгляд упал на красный шкафчик с белым крестом размером с обувную коробку. Он висел рядом с предохранительным щитком, и Ханна с облегчением увидела, что он в образцовом порядке наполнен лекарствами. Парацетамол, диклофенак, ибупрофен, даже флакончик кодеиновых капель.

«Бинго».

Она достала из настенного шкафчика срочно необходимые обезболивающие препараты, и ей в руки попала небольшая записная книжка.

На обложке мягким женским почерком, возможно ее собственным, было написано: «ПЕРВАЯ ПОМОЩЬ ДЛЯ ПАМЯТИ».

«Я написала себе инструкцию на случай амнезии?»

Найдя на одной из полок кошачий корм, она отнесла записную книжку обратно на кухню вместе с кодеином и упаковкой парацетамола.

Как только она вылила желеобразную массу в миску, на кухню вошел Каспар. Пока он ел, она гладила старого кота по голове.

– Бедняжка, ты выглядишь совершенно изголодавшимся, – прошептала Ханна.

Как кот, о котором давно никто не заботился.

«С самого момента убийств?»

– Я тоже побалую себя чем-нибудь вкусеньким, – выму-

ченно улыбнулась она и запила четыре таблетки парацетамола огромным глотком кодеина.

К этому времени ее глаза уже привыкли к ночнику, сразу же включившемуся и в гостиной, как только она вошла.

Обстановка была такой же современной, как и сам дом. На стенах висели абстрактные картины – большие холсты с тонкими, почти филигранными линиями. Самым впечатляющим экспонатом была покрытая черным лаком статуя лошади почти в натуральную величину, с абажуром на голове.

«Мне нравилось нечто подобное?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.